

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ПУШКИН — НАШ СОВРЕМЕННОК

24 ноября 2016 года в Центральном Доме литераторов в Москве прошёл торжественный вечер в честь 60-летия журнала “Наш современник”. Большой зал ЦДЛ был переполнен, как бывало в 90-е годы прошлого века. На вечер были приглашены многие известные писатели, политики и общественные деятели: Г. Зюганов, С. Глазьев, А. Проханов, В. Ганичев, Н. Бурляев, М. Гуцериев, С. Есин, В. Бондаренко, З. Прилепин, С. Шаргунов, И. Перверзин, А. Лиханов, В. Крупин, Т. Петрова, Д. Мизгулин и многие другие деятели культуры, известные нашим читателям. На белом экране большого зала в течение вечера появлялись видеосюжеты с выступлениями знаменитых авторов журнала — Георгия Свиридова, Сергея Викулова, Юрия Бондарева, Вадима Кожина, Юрия Кузнецова, Николая Рубцова.

Вечер был открыт вступительным словом главного редактора, в котором Станислав Юрьевич Куняев сказал об исторической и духовной связи журнала “Наш современник” с пушкинско-некрасовским “Современником”.

Дорогие наши друзья-читатели!

Вы видите на своих билетах праздничную обложку сегодняшнего журнала с ликом Александра Сергеевича и портретами всех главных редакторов журнала за всю его историю. В пушкинское время ими были Василий Жуковский, Пётр Плетнёв и Николай Некрасов, а в советское — Борис Зубавин, Сергей Викулов и Станислав Куняев. Десять лет тому назад, когда мы праздновали 50-летие журнала, мы провозгласили “Наш современник” журналом, продолжающим традиции пушкинско-некрасовского “Современника”... И в первую очередь, речь шла о схожести судеб двух журналов и об их мировоззренческом родстве. Да, тираж у нас сейчас невелик по сравнению с тиражом 90-х годов, и всё-таки он не случайно превышает общий тираж наших либерально-демократических оппонентов — “Нового мира”, “Знамени”, “Октября” вместе взятых. Но дело не только в тираже. Вспомним, что судьба пушкинского “Современника” в начале его жизни не была счастливой. В 1836 году вышло четыре журнальных тома. Два первых — тиражом 2400 экземпляров, из которых разошлось не более трети, а тираж четвёртого по причине малого спроса снизился почти втрое. После гибели Пушкина журнал стал постепенно чахнуть, и когда Плетнёв передавал его Некрасову, у “Современника” оставалось всего лишь 233 подписчика. И расцвет журнала начался в некрасовскую эпоху, когда приближалась отмена крепостного права и рождался слой разночинной интеллигенции.

А между тем журнал был любимым детищем Пушкина. Во многих письмах последнего года жизни — жене, друзьям, издателям — поэт с волнением и восторгом рассказывает о каждом из номеров, расхваливает авторов, ругается с книготорговцами и недругами-журналистами. Его шедевры — “Скупой рыцарь”, “Родословная моего героя”, “Капитанская дочка”, “Медный всадник”, “Путешествие в Арзрум” — печатаются в “Современнике”. Рядом с повестями Гоголя, стихотворениями Тютчева, Жуковского, Боратынского, Кольцова, Лермонтова, Дениса Давыдова... Какие имена! Казалось бы, нарасхват должен идти журнал!

Но всё было тщетно. Грамотная светская чернь уже была увлечена бульварным чтивом Булгарина, крикливыми антипушкинскими статьями Греча и Полевого, трескучими стихами Бенедиктова, ходульной прозой Марлинского, коммерческими романами французских сочинителей, о которых поэт в 1834 году написал с беспощадной язвительностью:

“Легкомысленная невежественная публика была единственною руководительницею и образовательницею писателей. Когда писатели перестали толкаться по передним вельмож, они в их стремлении к низости (! — Ст. К.) обратились к народу, лаская его любимые мнения или фиглярствуя независимостью и странностями (! — Ст. К.), но с одной целью: выманить себе репутацию или деньги! В них нет и не было бескорыстной любви к искусству и к изящному, жалкий народ!”

Рыночные нравы, хлынувшие в 30-е годы XIX века в русскую журнальную и газетную жизнь из буржуазной Европы, озадачили и даже испугали Пушкина. Почти за два века до господства телевизионных сериалов, детективов, женских романов и прочего “мыла” он почувствовал тлетворный запах перемени и бросил в лицо этой “массовой культуре”, этой многоликой бесовщине, этому вульгарному потоку словесных помоев перчатку:

“Явилась толпа людей тёмных с позорными своими сказаниями, но мы не остановились на бесстыдных записках Генриетты Вильсон, Казановы и Современницы. Мы кинулись на плутовские признания полицейского шпиона и на пояснения оных клеймёного каторжника. Журналы наполнились выписками из Видока. Поэт Гюго не постыдился в нём искать вдохновений для романа, исполненного огня и грязи. Недоставало палача в числе новейших литераторов. Наконец и он явился, и, к стыду нашему, скажем, что успех его “Записок”, кажется, несомнителен”.

Даже Виктора Гюго не пощадил Пушкин за угоду вкусам буржуазной публики!

Вот мы сейчас говорим о расколе общества в разных странах — в США, в Англии, в Германии, в Турции и в России. Везде — свой раскол. Но и в пушкинское время тоже был глубокий раскол и непонимание между тогдашним Западом и Россией... Вспомним, как изображал европейцев Пушкин: скупой рыцарь, чахнувший над золотом, завистник и злодей Сальери, демонический антихристианин Вальсингам, коллекционер женских душ Дон Гуан, наш соотечественник с нерусским именем и болезненной жадной богатства Германн, жид-аптекарь, пытающийся продать яд молодому Альберту, чтобы тот отравил своего отца... Один только Моцарт — светлое исключение из тёмного царства людей Запада, но ведь он дитя небес, Божье создание!

А вспомним картину западной колониальной цивилизации и её деяний, изображённую Пушкиным в разговоре Фауста с Мефистофелем:

Фауст

Что там белеет? Говори!

Мефистофель

*Корабль испанский трёхмачтовый,
пристать в Голландии готовый,
на нём мерзавцев сотни три,
две обезьяны, бочки злата,
да груз богатый шоколата,
да модная болезнь — она
недавно нам подарена.*

Фауст

Всё утопить!

“Модная болезнь” – это сифилис, предшественник сегодняшнего СПИДа.

В конце концов, вспомним о том, что и сам Пушкин был убит заурядным человеком Запада с “пустым сердцем”, по словам Лермонтова: “смеясь, он дерзко презирал земли чужой язык и нравы”.

В одной из своих записей отчаявшийся Пушкин, сам пострадавший от отечественных цензоров, поневоле воззвал к цензуре, дабы она помогла остановить зловонный поток безбожия, поток пошлости, вульгарности и невежества, текущий в русскую культуру с Запада: **“Не должна ли гражданская власть обратить мудрое внимание на соблазн нового рода, совершенно ускользнувший от предусмотрения законодательства”**, – писал он.

И это был Пушкин, которого в Лицее за увлечение Западом называли “французом”!

Но зрелый Пушкин ответил на вызов цивилизованной черни всем своим творчеством:

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа.
Вознёсся выше он главою непокорной
Александрійского столпа.*

Вот в чём он увидел спасение от “рыночной демократии”, от “пипла, который хаваает”, – в “народной тропе”. И если оглянуться на 60–80-е годы “Нашего современника”, то как не вспомнить великую деревенскую прозу: “Царь-рыбу” Астафьева, “Прощанье с Матёрой” Распутина, “Лад” Белова, рассказы Шукшина, поэзию Николая Рубцова. Именно эти имена обозначили “народную тропу” журнала “Наш современник”.

Многослойный историзм Пушкина, вершин которого он достиг в “Борисе Годунове” и “Капитанской дочке”, был не понят “образованщиной” той эпохи. Катенин объявлял пушкинскую трагедию “нулём”, Кюхельбекер поставил её ниже фальшивых пьес Кукольника, журналист Надеждин издевался над этим в “Телескопе”:

*“Бориса Годунова”
Он выпустил в народ,
Убогая обнова,
Увы! на новый год.*

Впрочем, Пушкин предвидел этот “раскол общества”:

*Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься твёрд, спокоен и угрюм.*

Подобно “холодной толпе” тех лет, наша *новолиберальная чернь* не прочитала историческую эпопею Ирины Владимировны Римской-Корсаковой “Побеждённые”, прошла мимо леоновской “Пирамиды”, не заметила последний роман Белова “Час шестой”, рассказы Распутина и его повесть “Мать Ивана, дочь Ивана”, личутинский “Раскол”, брезгливо отвернулась от блистательных повестей Проханова “Идущие в ночи” и “Чеченский блюз”... А ведь все эти произведения, печатавшиеся в журнале, каждое по-своему продолжает традицию пушкинской исторической прозы. В них народные и государственные начала ищут союза и равновесия, а если находят его в роковые минуты истории, то творец может с облегчением вспомнить заветные слова: “Окрепла Русь. Так тяжкий млат, // дробя стекло, куёт булат”.

* * *

Но как бы ни восхищался поэт Александрійским столпом и Медным Всадником, “нерукотворный” памятник был роднее и ближе его душе. Пушкин одновременно был, по словам философа Федотова, поэтом “империи и свободы”:

*Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой.*

Пушкинская свобода имеет совсем другое происхождение, нежели нынешняя покаянная “свобода слова” и фарисейские “права человека”, сущность которых русский гений разглядел почти два века тому назад.

*Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова...*

.....
*По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья, —
Вот счастье! Вот права...*

Этой пушкинской свободой дышали дневники Георгия Свиридова и его вечно печальная мелодия к пушкинской “Метели”, стихи Глеба Горбовского, проза Виктора Лихоносова, повести Альберта Лиханова, мифотворческий полёт Юрия Кузнецова: “ночью вытащил я изо лба // золотую стрелу Аполлона”. А завершением была поэма о жизни Христа. Впрочем, и Пушкин тоже начинал с культа Аполлона, но в конце жизни написал свои самые проникновенные христианские стихи.

Свободой мысли и поисками полной Истины дышат исторические работы Кожина, публиковавшиеся в нашем журнале: “И назовёт меня всяк сущий в ней язык”, “История Руси и русского слова”, а также книга о 1937 году. Вадим Валерьянович вырабатывал свой взгляд на историю с помощью Пушкина и Тютчева. Его настольным чтением были пушкинские жизнеописания Петра Первого и Пугачёва и тютчевские статьи “Россия и революция”, “Россия и Германия”.

А сколько в письмах Пушкина естественных, здравых мыслей о семье, о женщине-жене, о детях, о воспитании чувств.

Вот своеобразное “священное писание” семейной жизни из письма П. Плетнёву (1831): **“...Жизнь всё ещё богата; мы встретим ещё новых знакомцев, новые созреют нам друзья, дочь у тебя будет расти, вырастет невестой, мы будем старые хрычи, жёны наши – старые хрычовки, а детки будут славные, молодые, весёлые ребята; а мальчишки станут повесничать, а девчонки сентиментальничать; а нам то и люблю”**.

Но подумать только, что этот цветущий русский семейный мир был коварно разрушен, потому что русский гений попал в сети, расставленные растленными выродками из западного содомитского клана. Пушкин догадывался, что имеет дело с бесами в людском обличье, когда писал старому гею Геккерену: **“Вы отчески сводничали вашему незаконнорожденному так называемому сыну... подобно бесстыжей старухе вы подстергали мою жену... бесчестный вы человек...”**

Но как обострилась по сравнению с пушкинским временем духовная брань за душевное здоровье народа, за цветущие многодетные семьи против самоубийственного для жизни культа однополых браков, от которых пахнет голубой смертью. В этой брани без пушкинской помощи нам не обойтись. О сатанинских “правах” человека на растление и грех говорит на страницах нашего журнала патриарх Кирилл, о разрушительных соблазнах тёмной чувственности предупреждал общество Александр Панарин; уловки, которыми пользуется враг рода человеческого в погоне за слабыми душами, – постоянная тема наших отважных подруг Медведевой и Шишовой; о безумных оргиях, творящихся во время многотысячных парадов извращенцев всех мастей – вплоть до скотоложества, – повествуют страницы очерков Олега Платонова “Почему погибнет Америка”.

По всему миру шествует сексуальная чума нашего века, как надругательство над образом Божиим в человеке. Человек, заболевший ею, превращается в тень. Недаром в “Нашем современнике” была напечатана статья Александра Севастьянова “Тень, знай своё место!” Нет, не знают. Жаждают известности, парадов, лезут на телеэкраны, ползут на священную Красную площадь, подражают содомитской Европе, о которой провидец Василий Розанов сказал ещё 100 лет тому назад: **“Механизм гибели европейской цивилизации**

будет заключаться в параличе против всякого зла, всякого негодяйства, всякого злодеяния, и, в конце концов, злодеи разорвут мир”.

А нам всё равно надо стоять по пушкинскому велению на защите сердцевины жизни, которая называется русской семьёй.

* * *

16 марта 1830 года Пушкин написал в письме к П. А. Вяземскому: **“Государь, уезжая, оставил в Москве проект новой организации, контрреволюции революции Петра. Вот тебе случай написать политический памфлет, и даже его напечатать <...> ограждение дворянства, подавление чиновничества, новые права мещан и крепостных – вот великие предметы. Как ты? Я думаю пуститься в политическую прозу”.**

Он и стал основоположником этого жанра, написав “Путешествие в Арзрум”, статью “О народном воспитании”, “Воспоминания”, “Путешествие из Москвы в Петербург”, размышления о “Собрании сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского”. “Наш современник” продолжает эту традицию “политической прозы”, печатая политические мемуары Николая Ивановича Рыжкова, “Великую криминальную революцию” Станислава Говорухина, ну и, конечно же, трилогию Юлия Квицинского о трёх крупнейших предателях в мировой истории – Иуде Искариоте, Андрее Власове и Александре Тыковлеве (он же – Александр Яковлев, ныне покойный). И все труды владыки Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна, публиковавшиеся у нас в 90-е годы прошлого века. Можно ещё вспомнить и “Россию распятую” Ильи Глазунова, и “Историю русского масонства” Бориса Башилова, изданную как приложение к “Нашему современнику”. В обеих последних работах Пушкин является любимым персонажем. Словом, куда ни оглянись – в нашем литературном поле везде прорастают всходы, посеянные Пушкиным: когда мы пишем о наших геополитических интересах, о месте под солнцем и русского народа, и всех коренных народов России, мы неизбежно следуем Пушкину; когда из-под пера авторов “Нашего современника” выходят размышления об “извечном споре славян между собою” (“Шляхта и мы”), очерки Игоря Янина о русских путях-дорогах, крымские, украинские, приднестровские страницы Ксении Мяло, мудрые изыскания Андрея Убогого об истории, прошумевшей на башкирских просторах Южного Урала. Они и называются по-пушкински – “Путешествие к Пугачёву”.

Этот естественный и разумный патриотизм понимают и принимают наши читатели. И потому либеральные журналы, пытавшиеся в 90-е годы возбудить интерес к писателям-эмигрантам, “переменившим отечество”, постоянно печатая их, просчитались и растеряли своих читателей. Размышляя о такого рода “оппозиции”, Владимир Путин, в сущности, повторил в Валдайской речи пушкинские мысли о подлинном патриотизме: **“Слишком часто в национальной истории вместо оппозиции власти мы сталкиваемся с оппозицией самой России. Я уже вспоминал об этом. Пушкин сказал об этом. И мы знаем, чем это заканчивалось, – сносом государства как такового”.**

“Наш современник” обрёл славу и известность в 90-е годы прошлого века как журнал не просто “оппозиционный”, но открыто борющийся с компрадорской российской властью той эпохи, как мировоззренческий, открыто борющийся с силами, совершившими “великую криминальную революцию”. Именно так называлась статья Ст. Говорухина, опубликованная в “Нашем современнике” в 1994 году. В те годы журнал стал своеобразным идеологическим штабом патриотических сил, сопротивлявшихся ельцинско-гайдаровскому режиму.

Но сейчас, когда либеральная тусовка окончательно обанкротилась, когда её ставки на “болотный бунт” рухнули, когда её лидеры открыто перешли в стан русофобов и наёмников Запада, “Наш современник”, благодаря ходу истории, естественно ощутил себя как журнал, утверждающий во всех сферах жизни патриотические и национально-общественные интересы России. Недаром же мы приветствовали все знаменитые речи Путина – Мюнхенскую, Валдайскую, Крымскую. Валдайскую мы даже с комментариями Г. Зюганова и А. Проханова опубликовали. Мы, столько лет укреплявшие союз Церкви, общества и государства, с радостью встретили оценку Путиным нынешнего европейского Запада, совпавшую с нашими оценками его Валдайской речи.

“Мы видим, как многие евроатлантические страны фактически пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составляющих основу западной цивилизации. Отрицаются нравственные начала и любая традиционная идентичность: национальная, культурная, религиозная или даже половая. Проводится политика, ставящая на один уровень многодетную семью и однополое партнёрство, веру в Бога или веру в сатану. Эксцессы политкорректности доходят до того, что всерьёз говорится о регистрации партий, ставящих своей целью пропаганду педофилии. Люди во многих европейских странах стыдятся и боятся говорить о своей религиозной принадлежности. Праздники отменяют даже или называют их как-то по-другому, стыдливо пряча саму суть этого праздника – нравственную основу этих праздников. И эту модель пытаются агрессивно навязывать всем, всему миру. Убеждён, это прямой путь к деградации и примитивизации, глубокому демографическому и нравственному кризису”.

Сколько русофобской ярости, сколько антисоветской лжи было вылито на нашу историю в последние три года в связи с событиями на Украине, войной в Сирии, в связи с воссоединением Крыма с Россией. Санкции, клеветнические кампании в европейских СМИ, отчаянные визги в рядах нашей 5-й колонны... Есть от чего растеряться, но в такие времена надо брать в руки томик Пушкина – великого историка, геополитика, пророка. Его стихи “Клеветникам России”, явленные как ответ французским парламентариям, призывавшим в 1830 году в связи с польским антироссийским восстанием к новому походу европейской Антанты на Россию, порой кажутся написанными в наши дни как ответ объединённой брусельской Европе, как ответ ОБСЕ, как ответ НАТО во главе с США, как ответ бандеровскому Киеву, взявшему на себя роль Варшавы 1830 года, как ответ не только объединённой наполеоновской, но и гитлеровской Европе:

*И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте; за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того пред кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир? (как и в 1945-м! – Ст. К.)*

*Вы грозны на словах – попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайловский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды
("Крым наш!" – говорит Пушкин. – Ст. К.),
От финских хладных скал до пламенной Колхиды
("Абхазия наша!" – говорит Пушкин. – Ст. К.),
От потрясённого Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России
Среди нечуждых им гробов.*

Владимир Путин, в сущности, повторил все эти мысли Пушкина, когда сказал в Валдайской речи:

“Пресловутая политика сдерживания России в XVIII и в XIX, и в XX веке продолжается и сегодня... Россия оказалась на рубеже, от которого не могла уже отступить. Если сжимать пружину, она когда-нибудь с силой разожмётся”.

* * *

Литература в России – это вторая религия. “Пушкин – наше всё”. Не Менделеев, не Циолковский, не Суворов, а именно Пушкин! Недаром в XVIII веке Ломоносов, Державин, Тредиаковский были почётными гостями при императорском дворе. Недаром Николай I беседовал с Пушкиным и называл его “умнейшим человеком в России”, недаром Есенина приглашали читать стихи царской семье, а Горький и Шолохов были постоянными собеседниками Сталина. Что бы ни писали, как бы ни спорили наши историки об истории России, русский читатель всегда будет судить о петровской эпохе по “Полтаве” и “Медному Всаднику”, о пугачёвщине – по “Капитанской дочке”, об отношениях с Польшей – по “Тарасу Бульбе”, о войне 1812 года – по “Войне и миру”, о революции 1917 года и гражданской войне – по “Тихому Дону”.

Наверное, в единственной нашей стране города и посёлки называются именами писателей и поэтов (“Горький”, “Пушкино”, форт “Шевченко”, район “Льва Толстого” и т. д.) У нас во многих городах есть улицы имени Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Есенина, Рубцова, Маяковского. Ясная Поляна, Михайловское, Болдино, Тарханы, Константиново, Вёшенская для нас – святые места. Повторяю, что литература для русских – это вторая религия. У нас немало Нобелевских лауреатов по физике, химии, медицине и т. д., но в народе они мало известны. В народе больше всего знают Нобелевских лауреатов по литературе: Бунина, Шолохова, Пастернака и даже Бродского. Поэтому сокращение учебных часов на занятия литературой (она, а не математика с физикой формирует мировоззрение!), изгнание литературы из школы похоже на гонения на Церковь в начале 20-х годов. Невозможно себе представить, чтобы в Америке во время президентских выборов кто-либо из кандидатов, желая овладеть сердцами избирателей, стал читать стихи Уитмена или Роберта Фроста, или поэму Лонгфелло. А у нас Владимир Путин во время выборов на II президентский срок, выступая в Лужниках, взлетел своей упругой спортивной походкой на трибуну и прочитал Сергея Есенина: **“Если крикнет рать святая: // “Кинь ты Русь, живи в раю!” // Я скажу: “Не надо рая, // Дайте родину мою!”** И я уверен, что эти четыре строчки русского гения добавили Путину многие тысячи голосов, поданных за него.

* * *

Один из крупнейших русских мыслителей XX века А. Ф. Лосев, прошедший через советский ГУЛаг, о котором Путин вспомнил 1 декабря 2016 г. в ежегодном послании Федеральному собранию, размышляя о родине – России, писал в советское время:

“Каким именем назовём эту великую и страшную, эту всемогущую и родную для человека стихию, когда он чувствует себя не просто в физическом родстве с нею, а именно главным образом в духовном и социальном родстве с нею, когда он знает для себя такое общее, которое, несмотря на свою общность, содержит в себе бесконечное богатство индивидуального, когда это общее и есть он сам, в своей последней и интимной сущности? Это есть Родина”.

Нынешняя наша медиа-, теле-, интернет-элита, наверное, никогда не слыхала ничего ни об Алексее Лосеве, ни о Николае Бердяеве, ни о Сергее Булгакове. На эти мысли меня натолкнуло случайное прочтение газеты “Новый Петербург” (28.11.2013), в котором множество известных наших общественных деятелей попытались рассуждать о России, о русской истории, о русском человеке. Приведу несколько таких рассуждений, опубликованных непременно с портретами авторов:

А. Чубайс: **“Что вы волнуетесь за этих людей? Ну, вымрет тридцать миллионов... Я перечитал всего Достоевского и теперь к этому человеку не чувствую ничего, кроме физической ненависти; когда я вижу в его книгах мысли, что русский народ – народ особый, богоизбранный, мне хочется порвать его на куски”.**

В. Новодворская: **“Русских нельзя с правами пускать в европейскую цивилизацию, их положили у параша и правильно сделали”.**

К. Собчак: **“Россия стала страной генетического отребья”.**

И. Юргенс: **“России мешают русские – основная масса наших соотечественников живёт в прошлом веке и развиваться не хочет”**.

В. Познер: **“Я не русский человек, это не моя родина, я здесь не вырос, я не чувствую себя здесь полностью дома”**.

Ю. Пивоваров: **“Нужно, чтобы Россия потеряла (не пугайтесь!) Сибирь и Дальний Восток”**.

Хазанов Борис: **“Я привык стыдиться этой родины”**.

Артемий Троицкий: **“Я считаю русских мужчин в массе своей животными, существами даже не второго, а третьего сорта”**.

Продолжать цитировать такого рода высказывания можно до бесконечности. Что-то похожее говорили и печатали и Виктор Шендерович, и Виктор Ерофеев, и Татьяна Толстая, и Юлия Латынина, и многие другие существа **“первого сорта”**.

А. Кончаловский, получивший на Венецианском фестивале Серебряного Льва за фильм о Холокосте, заявил, что, если Россия закроет границы, он тут же эмигрирует: **“У меня двойное гражданство, второе – французское. В этом случае я просто откажусь от русского”**. Взяточник Улюкаев, ещё будучи на свободе, завещал сыну: **“Езжай, мой сын, езжай отсель!”**

Людмила Улицкая: **“Мне стыдно за народ, потерявший нравственные ориентиры”**.

Так что борьба с Пушкиным, с его убеждениями со стороны 5-й колонны продолжается.

Но если бы был жив великий русский мыслитель Алексей Лосев, он не стал бы разбираться со взглядами каждого из них, потому что Алексей Фёдорович сказал обо всех этих Смердяковых один раз, но так, что от его слов им никогда не отмыться.

После слов “Это и есть Родина” Лосев не мог не сказать: **“Сколько связано с этим именем всякого недоброжелательства, даже злобы, хуления, ненависти... Водворились презрительные клички: “квасной патриотизм”, “ура-патриотизм”, “казённый оптимизм” и пр., и пр. Это культурно-социальное вырождение шло рука об руку с философским слабоумием... По адресу России стояла в воздухе та же самая матерщина, что и по адресу всякой матери в устах разложившейся и озлобленной шпаны...”**

* * *

Центральное телевидение начало по первому каналу показывать многосерийный (13 серий!) художественный фильм, созданный по роману Василия Аксёнова “Таинственная страсть”. Персонажи этой киноэпопеи – Аксёнов, Евтушенко, Окуджава, Ахмадулина, Рождественский, Высоцкий, Вознесенский и другие – изображены как романтики эпохи, как чистые, искренние поэты, сопротивлявшиеся всесильному КГБ и тупым бюрократам советской системы, как прекраснодушные либералы и *герои своего времени*. На самом деле они были во многом баловнями и фаворитами системы, о чём свидетельствуют их книги, их судьбы, их поступки. Они сами называли себя “детьми XX съезда” – того самого XX съезда КПСС, который состоялся в феврале 1956 года и на котором партийный авантюрист Никита Сергеевич Хрущёв ради захвата высшей власти в стране выступил с печально знаменитым докладом, оклеветавшим трагическую и героическую сталинскую эпоху.

Племя литературных приспособленцев, для которых этот доклад стал “учебником жизни” и “руководством к действию”, назвало самих себя “шестидесятниками”, а эпоху, которая наступила после XX съезда, – “оттепелью”. Судьбы этих “детишек” сложились в основном удачно. Они стали любимцами партийной элиты, отрекшейся от сталинской эпохи, и все как один присягнули “ленинскому” времени в стихах и поэмах: “Казанский университет”, “Лонжюмо”, “Секвойя Ленина”, “Двести десять шагов”, “От января до апреля”, “Ленин, том 54” (авторы – Евтушенко, Вознесенский, Коротич, Рождественский, Сулейменов и прочие воспитанники “партийного детсада”).

Семена того, что Хрущёв лукаво именовал “ленинизмом”, были посеяны в их души в 1956 году. Но обществу узнать сущность этого посева по плодам его пришлось почти через 40 лет, в 1993 году.

Один из самых шустрых “детей XX съезда” летом 1993 года написал стихотворение, посвящённое Р. Рождественскому и объясняющее их общую судьбу:

“Кто были мы, шестидесятники? // На гребне вала пенного // в двадцатом веке, как десантники // из двадцать первого. <...> Давая звонкие пощечины, // чтобы не дрыхнул, современнику, // мы прорубили зарешечённое // окно в Европу и в Америку. // Мы для кого-то были “модными”, // кого-то славой мы обидели, // но вас мы сделали свободными, // сегодняшние оскорбители. <...> Пускай шипят, что мы бездарные, // продажные и лицемерные, // но всё равно мы – легендарные, // оплёванные, но бессмертные!”

“Окно в Америку” прорубили – и первым в него нырнул Евтушенко вместе с сыном Хрущёва.

И вот в каких оборотней выродились эти “верные ленинцы” в октябре 1993 года: **“Я желала тем, кто собрался в “Белом доме”, одного – смерти. <...> Они погибли от нашей руки, от руки интеллигентов <...> не следует винить в том, что произошло, мальчишек-танкистов и наших командос-омоновцев. Они исполняли приказ, но этот приказ был сформулирован не Грачёвым, а нами...”** (из статьи В. Новодворской “На той единственной, гражданской...”, журнал “Огонёк”, гл. ред. В. Коротич, № 2-3, 1994. С. 26-27).

Статья написана как бы от имени всех 42-х подписантов позорного известинского письма (5.10.1993), подписанного “шестидесятниками” А. Адамовичем, Б. Ахмадулиной, Г. Баклановым, А. Борщаговским, А. Гельманом, А. Деметьевым, Р. Казаковой, А. Ивановым, Ю. Карякиным, Ю. Левитанским, Б. Окуджавой, Р. Рождественским, Ю. Черниченко и другими “детьми XX съезда КПСС”; у них возражений она не вызвала. А в этом письме защитники Дома Советов, убиенные в те дни, назывались “красно-коричневыми оборотнями”, “убийцами” и “хладнокровными палачами”, как будто не их тела октябрьской ночью были погружены на баржи и увезены в неизвестном направлении, а трупы Ельцина, Лужкова, Гайдара и прочих “гуманистов” и “реформаторов”. Так что кровь 93-го года – на ваших руках, “бессмертные и легендарные”!

Известная российская поэтесса Лариса Васильева, дочь Николая Кучеренко – одного из знаменитой команды создателей легендарного танка Т-34, – недавно написала в своих воспоминаниях:

“Когда это было – весной 66-го года. Ресторан Дома литераторов. Сидят особенные, амбициозные. Прервав свой разговор, Межиров внезапно повернулся к Евтушенко и своим заворачивающим голосом говорит: “Я никогда не прошу тебе, Вознесенскому, Белле, Булату того, что вы своими организованными сочинениями, своей шумихой заслонили путь целому поколению к океану настоящей поэзии”. Поворачиваюсь к Межирову: “Вы имели в виду поэзию Серебряного века? – Отнюдь нет! Серебряный век состоялся так, что его невозможно заслонить. Я говорю о поэтах вашего поколения – о Горбовском, Рубцове, Юрии Кузнецове и многих других”.

* * *

В заключение приведу три мысли Александра Сергеевича Пушкина о трёх великих гигантах мировой истории.

О Европе: **“Европа в отношении России была всегда столь же невежественна, сколь и неблагодарна”.**

О Соединённых Штатах Америки: **“С изумлением увидели демократию в её отвратительном цинизме, в её животных предрассудках, в её нестерпимом тиранстве. Всё благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую подавлено неумолимым эгоизмом и страстью к довольству”.**

О России **“...я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя, как литератора меня раздражают, как человек с предрассудками я оскорблён, но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал...”**

* * *

Благодарю всех вас за то, что вы пришли на наш общий праздник. Приходите в журнал, подписывайтесь на него. Тем самым вы поможете не только журналу, нашим писателям, но и всей русской культуре и даже всей творщейся на наших глазах отечественной истории.